

Глава 8

Искра

Хань Линь, очевидно, не придавал значения ни одному слову, сказанному в тот день Вань Миньюэ, или же понял всё совершенно превратно.

Прошло всего два дня, и Вань Миньюэ, занимаясь своими делами — гадая на улице и ведя наблюдение, — увидел Хань Линя за одним столиком с Яо Хуаном. Они оживлённо беседовали, а Вэй Цзы как раз отлучился, чтобы заплатить по счёту.

Похоже, рука зажила слишком быстро.

Шао Ланьтин, который изображал торговца каллиграфией рядом с лотком Вань Миньюэ, как раз продал одну из своих работ и, заметив эту сцену, удивлённо присвистнул:

— А твой младший братец весьма отважен.

— У него такой характер, — отозвался Вань Миньюэ, собирая гадальные палочки. — Даже набив шишек, не изменится. И советов не слушает.

Солнце пекло так, что его мутило, и настроение было под стать погоде. Он не заметил, каким задумчивым взглядом Шао Ланьтин проводил Хань Линя.

Дней через пять люди из Павильона Тёмного Дождя, прослышав о его точном гадании, пришли к его лотку. Из их праздной болтовни он и узнал, что Хань Линь, поддавшись на уговоры коварной парочки — Яо Хуана и Вэй Цзы, — взялся за роль свата и доставил покаянное письмо от Шао Ланьтина для И Утун.

К счастью, юноша был любимчиком Владыки Павильона, и И Утун не стала срывать на нём злость. Она велела ему убираться вместе с письмом, но не стала играть мелодию, от которой он бы корчился и содрогался всем телом в неудержимом приступе смеха.

Услышав это, Вань Миньюэ схватил свой бамбуковый стаканчик с гадальными палочками и швырнул его в Шао Ланьтина. Тот, пронирливый, как обезьяна, мгновенно оценил обстановку и бросился наутёк.

В искусстве лёгкости Вань Миньюэ не было равных во всём Чанъане. Он без труда догнал беглеца и затащил его на ближайшую крышу.

— Ты решил разыграть моего человека? — спросил он. Ветер на крыше был сильным, и его голос звучал холодно.

За полгода их знакомства Шао Ланьтин впервые видел Вань Миньюэ в гневе. Стоя на самом краю карниза, он испугался и принялся заискивать, уверяя, что Утун в последнее время избегала его, и он лишь вскользь упомянул о письме, не думая, что Хань Линь и вправду возьмётся его доставить. Он клялся, что больше такого не повторится, и сыпал комплиментами, пока Вань Миньюэ наконец не спустил его вниз.

Оказавшись на земле, Шао Ланьтин, всё ещё не оправившись от шока, пробормотал:

— С твоим-то искусством лёгкости... Как глава Ордена мог отправить тебя гадать? Пустая трата таланта.

— Лесть на меня не действует, — Вань Миньюэ отряхнул одежду и, сменив гнев на милость, вернулся к своему образу гадалщика. — Ты и сам мастерски владеешь техникой воздействия на точки, однако торгуешь свитками.

Тем же вечером его нашёл Хань Линь и потащил на ужин к Сун Сюаню. Когда он только успел и с ним подружиться?

По дороге Вань Миньюэ снова заговорил о письме, предостерегая его:

— Словам Яо Хуана и Вэй Цзы верить нельзя. Девять из десяти их фраз — обман. Впредь не слушай их.

Эти двое были опасны. Яо Хуан отличался жестокостью и убивал с особым садизмом, словно наслаждаясь последними мгновениями агонии своих жертв. От него исходила слишком густая аура смерти.

Вэй Цзы же был умён и хитёр, предпочитая действовать чужими руками. Его боялись, зная, что за этой «улыбкой тигра» скрывается расчётливый ум. Он мог с лёгкостью подставить любого, сделав его орудием в своих руках и повесив на него чужое преступление. Лишь Яо Хуан, выросший с ним бок о бок, не чурался его общества, ведь для него главным было само убийство. Именно поэтому они и оказались в Чанъане — в родном Лояне их попросту никто не выносил.

— А мне кажется, они не такие уж плохие, — возразил Хань Линь. — Яо Хуан довольно застенчив, а Вэй Цзы не создаёт мне проблем.

— Не создаёт проблем? Он же заставил тебя нести письмо И Утун!

— Они лишь намекнули, а я сам вызвался им помочь. Шао Ланьтин, пьяный в стельку, со слезами на глазах рассказывал мне о всех их ссорах за два года. Мне стало его жаль.

Вскоре после истории с письмом он снова чем-то досадил И Утун, вероятно, опять вмешавшись

в её личную жизнь. Вань Минъюэ даже не стал спрашивать. На этот раз она не проявила снисхождения и, вскинув флейту, приготовилась его проучить. Окружающие, не смея вмешиваться, поспешили отступить подальше и заткнуть уши. Но, к всеобщему удивлению, даже когда мелодия была сыграна наполовину, с Хань Линем ничего не происходило. Он лишь заметил:

— Играешь ты красиво, только немного прохладно. А есть что-нибудь потеплее?

И Утун замолчала. Она долго и пристально смотрела на него, а затем вдруг спросила:

— Ты из Школы Линьси?

Хань Линь кивнул.

И Утун развернулась и ушла.

Когда Вань Минъюэ услышал об этом, он тоже удивился и упомянул об этом в разговоре.

— Так вот оно что! — хлопнул себя по лбу Хань Линь. — А я-то думал, что с этой мелодией не так, да постеснялся спросить.

Он объяснил:

— Десятки лет назад, когда Культ Красного Вэй сеял хаос, подобные тёмные искусства были в ходу. Один из наших предков-наставников пострадал от них и добавил в учение нашей школы методы противодействия. Правда, в последние годы из-за слухов практикующих тёмные искусства почти не осталось, так что на экзаменах это проверяют редко. Многие старшие братья, чтобы не утруждать себя, даже не стали это учить. А меня наставник заставил вы зубрить всё учение школы от корки до корки.

Хань Линя ещё не раз разыгрывали Яо Хуан и Вэй Цзы, но он не обижался. В конце концов, те, кажется, поняли, что издеваться над ним бессмысленно, и увидели в нём человека, с которым можно дружить. А может, им просто давно не хватало общения, ведь все сторонились этой странной парочки. Так или иначе, они стали друзьями.

И не только они. После нескольких совместных заданий Хань Линь сдружился и с И Утун. Однажды, когда они все вместе ужинали у Сун Сюаня, она даже играла на флейте для увеселения компании.

Шао Ланьтин, глядя на это, лишь цокал языком:

— Подумать только, а мне пришлось приложить невероятные усилия, чтобы просто заговорить

с Утун.

— Даже если бы он не был так хорош собой, с его-то характером он всё равно бы всем нравился, — с ноткой досады в голосе протянул Вань Миньюэ. — А он ведь ещё и красавец.

— Ты его хвалишь, а говоришь таким тоном, будто в грязи измазался.

— С чего ты взял, что я его хвалю? — лениво отмахнулся Вань Миньюэ.

В тот день гадалщик закрыл свой лоток пораньше и отправился на поиски Хань Линя, который только что вернулся с задания. Он хотел угостить его ужином и заодно помериться силами. Расспросив прохожих, он издали заметил его на крыше высокого здания в компании Яо Хуана.

Кажется, они говорили о волосах.

— Это Вэй Цзы мне сделал, раскалённым железом завил. Сказал, так красивее.

— И правда красиво, и необычно, — Хань Линь дотронулся до одного из локонов. — Удивительно, что не сгорели.

— Вэй Цзы сначала смазал их каким-то составом, не знаю, как называется, — Яо Хуан, услышав похвалу, закачал ногами, свесив их с крыши. — Вообще, быть красивым удобно. Будь у меня твоя внешность, я бы в чём угодно выглядел прекрасно, и Вэй Цзы не пришлось бы со мной возиться.

Вань Миньюэ, слышавший это издали, смерил приятеля взглядом и мысленно согласился.

Хань Линь поджал губы, поблагодарил и добавил:

— Ты просто не видел моего старшего брата. Он гораздо красивее меня.

В этот момент Вэй Цзы позвал Яо Хуана снизу. Тот весело попрощался и, оттолкнувшись от края, легко спрыгнул вниз.

Вань Миньюэ подошёл и вставил:

— Тебя хвалят, а ты приплетаешь своего старшего брата. Будто хочешь показать, что у человека нет вкуса.

Собеседник не нашёл в своих словах ничего предосудительного, но всё же покорно кивнул и,

взявшись за протянутую руку, поднялся на ноги.

Хань Линь был знаменит. Сильный, общительный, красивый — у него было всё, чтобы нравиться людям. Не прошло и месяца, как он со всеми сдружился. Вань Миньюэ этого и ожидал.

Единственное, чего он не предвидел, так это того, как быстро этот парень найдёт себе девушку, да ещё и не кого-нибудь, а знаменитую Хуа Цзянься.

Конечно, все понимали, что рано или поздно это случится. Он знал это лучше других. Без Шангуань Цюэ, который притягивал к себе всё женское внимание, Хань Линь — молодой, талантливый, недавно получивший прозвище Маленький Святой Клинка, да ещё и чертовски привлекательный — был обречён на успех у женщин.

Но никто, даже сам небесный владыка, не мог бы предположить, что его избранницей станет Хуа Цзянься.

Поначалу Вань Миньюэ даже сомневался, не надумал ли он лишнего, потому что они... совершенно не подходили друг другу.

Оба были сильны, но на этом сходство заканчивалось. Он — душа компании, готовый отдать последнюю рубаху. Она — одиночка, почти ни с кем не общавшаяся, державшая всех на расстоянии. Трудно было представить, что у них могут быть общие темы для разговора, кроме поединков.

Слухи о романе таких красавца и красавицы всегда будоражат умы. К двенадцатому месяцу все, кто был знаком с Хань Линем, при встрече подшучивали над его отношениями с Хуа Цзянься.

Но вскоре они снова отдалились друг от друга, и шутки поутихли.

Именно тогда Вань Миньюэ окончательно убедился, что они вместе.

Он заметил это раньше других, ещё когда они только начали ходить на задания вдвоём и между ними витала неловкая симпатия. Поразмыслив, он нашёл это вполне логичным. Вкусы Хань Линя всегда были до смешного предсказуемы.

Его первая любовь, старшая сестра Хэ Я, красавица Школы Линьси, была того же типа, что и Хуа Цзянься. Правда, Хэ Я была весёлой и открытой, её смех разносился по всему монастырю, а Хуа Цзянься — замкнутой и молчаливой. Но обе были высокими, светлокжими, с яркой, но не вульгарной красотой, и обе были на несколько лет старше Хань Линя.

Однажды вечером И Утун, дожидаясь, пока Шао Ланьтин соберёт свой товар, от нечего делать

подсела к лотку Вань Миньюэ. Из-за Шао Ланьтина они часто виделись и успели сдружиться. Оказалось, что за её серьёзным видом скрывается любительница пошутить, и общаться с ней было легко. К тому же, она была на удивление проницательной. Они часто обсуждали грязные делишки Павильона Тёмного Дождя и Врат Безмолвных Цикад и строили планы на будущее.

— Мне надоел Чанъань, — однажды сказала ему И Утун.

Вань Миньюэ спросил, говорила ли она об этом Ланьтину. Она покачала головой и добавила:

— У тебя такое мастерство лёгкости, а ты гадаешь. Это так обидно. Мы ведь можем достичь большего.

— Поживём — увидим, — успокоил её гадалщик.

Неожиданно, именно она заговорила с ним об отношениях Хань Линя и Хуа Цзянься.

Выслушав его рассказ о старшей сестре Хань Линя, она с одобрением заметила:

— Судя по твоим словам, у Хань Линя неплохой вкус.

— Похоже, он признаёт только один тип.

И Утун обернулась, чтобы посмотреть, как там неуклюже возится со своими свитками Шао Ланьтин, и бросила через плечо:

— Что ж, это даже удобно.

Вань Миньюэ усмехнулся, перебирая в своих длинных белых пальцах гадальные палочки:

— Что ты имеешь в виду?

— То самое, о чём ты подумал, — И Утун снова повернулась к нему. — Неужели ты думаешь, что у них что-то получится?

Она спросила прямо, и Вань Миньюэ на мгновение замешкался:

— Они хорошо смотрятся вместе, глаз радуется. Это уже неплохо.

Неожиданно И Утун рассмеялась. Её смех был каким-то горьким. Несколько дней назад прошёл дождь, и осенний ветер стал по-настоящему холодным. Сейчас этот смех казался

особенно печальным.

И Утун знала, что её улыбка выглядит странно. Она и так не была красавицей, а улыбка делала её лицо ещё более резким, поэтому она редко улыбалась. Осознав это, она тут же перестала и пристально посмотрела на Вань Минъюэ.

Неудивительно, что его гадальный лоток пользовался успехом. Просидев на солнце полгода, он оставался таким же светлокочим, его кожа светилась даже в сумерках. Густые чёрные волосы были аккуратно уложены. У него было гармоничное лицо с правильными чертами, густыми бровями красивой формы и высоким носом. Кожа чистая, без единого пятнышка. Высокий, стройный, одетый просто, но со вкусом. Сидя напротив него, ощущаешь себя так, словно тебя обдувает весенний ветерок. Любой прохожий невольно задерживал на нём взгляд.

За то время, что И Утун ждала Шао Ланьтина, она не раз видела, как люди подходили, чтобы узнать имя Вань Минъюэ и спросить, не женат ли он.

Но если присмотреться, черты его лица, хоть и были безупречны, не отличались особой выразительностью. Глаза не слишком большие, и когда он смотрел на кого-то в упор, веки почти скрывались. Челюсть была несколько широкой и тяжелой — грубоватая основа.

И Утун была уверена, что на ком-нибудь другом, например, на таком простоватом человеке, как Шао Ланьтин, такое лицо выглядело бы глупо и неуклюже. Но Вань Минъюэ умел подать себя так, что с первого взгляда приковывал внимание, и чем дольше на него смотришь, тем приятнее он кажется.

Уже по тому, как он следил за собой, И Утун поняла, что Вань Минъюэ — человек, который умеет управлять впечатлением и прекрасно знает себе цену.

Поэтому его благословение в адрес Хань Линя и Хуа Цзянься прозвучало так фальшиво.

— Почему ты ещё лицемернее меня? — спросила И Утун.

— Эй, эй, за что ты меня так? — рассмеялся Вань Минъюэ и даже с улыбкой пожаловался свернувшему свитки Шао Ланьтину.

«Ну конечно, — подумала И Утун, — опять уходит от ответа»

— Значит, ты хочешь, чтобы они были вместе.

Вань Минъюэ снова повернулся к ней. Подперев подбородок рукой, он задумчиво посмотрел на гадальные палочки, которые вертел в пальцах:

— Мне нет дела до Хуа Цзянься.

Прежде чем он добьётся известности, Вань Миньюэ не собирался тратить время на серьёзные отношения. К тому же, Хуа Цзянься была не в его вкусе.

— Я и не говорю, что тебе есть до неё дело.

— Тогда ты... — он вдруг что-то понял, и палочки выпали из его пальцев. Вань Миньюэ поднял глаза и с усмешкой сказал:

— Ты хочешь сказать, что я... Хань Линь? Ты, должно быть, ошиблась. Мы с детства так общаемся, я просто паясничаю перед ним, ничего больше.

В детстве, да и до недавнего времени, он говорил так, чтобы подшутить над Хань Линем. Сначала это был юношеский азарт, желание утереть нос Шангуань Цюэ, но со временем он искренне привязался к Хань Линю и стал считать его лучшим другом. У него никогда не было к нему чувств, выходящих за рамки дружбы, — в этом он, как автор всех этих слащавых речей, был уверен. Хань Линь, повзрослев, тоже всё понял, и между ними установилось негласное согласие.

И Утун опустила глаза, но на её губах играла лёгкая усмешка. Она рассеянно пробормотала что-то вроде «ладно-ладно» и, поднявшись, ушла вместе с собравшим свои вещи Шао Ланьтином.

Ночью Вань Миньюэ тренировался в метании Гвоздей, Пронзающих Кости, в уединённом месте. Возвращаясь обратно, он летел сквозь прохладный ночной воздух и вдруг снова вспомнил этот разговор.

Подумав, он решил, что со стороны они и вправду могли выглядеть именно так. Неудивительно, что И Утун пришла к такому выводу.

Вань Миньюэ с детства не питал особых надежд на любовь и не хотел доверять свои чувства другому человеку — это было ненадёжно и глупо. За год, прошедший с тех пор, как он покинул школу, у него было много девушек, но все они были из весёлых домов — так было проще, меньше обязательств.

Не говоря уже о том, что Хань Линь — мужчина. Даже будь он девушкой, Вань Миньюэ не стал бы с ним связываться. Он был достаточно умён, чтобы понимать, к кому нельзя прикасаться. Обмануть такого человека, который готов вывернуть душу наизнанку ради друга, заманить его в ловушку ради минутной прихоти, а потом не дать ничего взамен — это было бы слишком подло. К тому же, с его-то характером, связываться с ним было опасно.

Он не смел трогать даже куртизанок с таким характером.

Он считал, что отношениям Хань Линя и Хуа Цзянься будет очень трудно. Некоторые люди просто не созданы друг для друга. Но любовь — это дело двоих. Он был другом, и он желал своему лучшему другу быть счастливым с той, кого он любит.

В то время у него не было к нему никаких особенных чувств. А если и были, то настолько мимолётные, что их почти невозможно было заметить. В жизни полно таких тонких, почти неуловимых эмоций, которые забываются в тот же миг, как появляются. Словно искра в зимнем поле — не успев долететь до земли, она гаснет на ледяном ветру, так и не встретив ничего, что могло бы воспламениться.

<http://bllate.org/book/15990/1442996>